

лодых неуместного проповедования в истории».² Отрицал автор и широко применяемое заучивание наизусть «имен патриархов до и после потопа».

Для научного изучения истории, по мнению Шлёцера, необходимо, во-первых, «знать перемены», происшедшие на земле за истекшие тысячелетия, во-вторых, «изыскивать причины, почему какая-нибудь земля сделалась так, а другая иначе»;³ в переводе на современный язык это означает знание фактов и осмысление их.

Детский мозг не был подготовлен для подобных понятий. Подготовка к усвоению их и должна была служить книга Шлёцера. «Здесь предлагается не всеобщая история, — писал автор, — но географическое, естествословное, политическое и историческое введение в оную».⁴ Какой глубокий смысл крылся за этим положением, видно из следующего высказывания Шлёцера: «Мне казалось до крайности неестественным растабарывать о государствах, царях и завоеваниях с ребенком, который не имеет ни малейшего понятия о гражданском обществе, о *contrat social*, о *force publique* и т. д. Если же ребенок не способен понимать такие мысли, то для его покоя, для чести науки лучше и не мучить его историею».⁵

Автор глубоко продумывал не только содержание, но и форму своего произведения: «С пространными детскими книжками, в коих забавный язык составляет главную цель автора, в коих ученые мысли ныряют кое-где, как пескари в реке, никогда не мог я ничего сделать. (У других были, может быть, другие опыты). Удить их оттуда детям очень тяжело и только что поощутся».⁶

К себе как писателю ученый предъявлял строгие требования: «сжатую краткость», «сосредоточение мыслей», «выбор происшествий и примеров». Все это вместе с делением книги на главы, а глав на параграфы помогло Шлёцеру уложить большой материал на семидесяти страницах книжки небольшого формата.

Небольшие размеры статьи не дают возможности остановиться на всех проблемах, затронутых автором. Ограничимся двумя, наиболее сложными. Какова роль человека на земле и какими свойствами он обладает? В чем польза гражданского общества и как оно организовалось?

«Предуготовление к истории» начиналось с традиционного рассказа о сотворении мира. Библейская легенда нужна была автору как методический прием, подводящий десятилетнего ребенка к усвоению сложных понятий. Читая лекции юношеству, Шлёцер избегал говорить «о шести днях творения, об адамовом

² Там же, с. VII.

³ Предуготовление к истории для детей. М., 1788, с. 69.

⁴ Введение во всеобщую историю для детей, ч. 1, с. XI.

⁵ Там же, с. XVI—XVII.

⁶ Там же, с. XIV.